

ОЛЬГА ЛАРСКАЯ

Мой палач
НОСИТ
цветы
в волосах

Ольга Ларская

Мой палач носит цветы в волосах

<https://litres.ru/74070479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла, чтобы исполнить приговор.

Он заставил её усомниться во всём.

Когда палач влюбляется в свою жертву, кровь становится платой за правду.

Открой книгу и реши сам.

Стоила ли эта любовь того, чтобы сжечь целый мир.

От автора: Думаешь, это очередная сказка про дракона и девушку?

Тогда у меня плохие новости.

Здесь будут разбитые сердца, невозможные выборы, опасные тайны и любовь, которая не спрашивает разрешения.

А ещё есть риск, что после последней страницы ты несколько дней не сможешь отпустить этих двоих.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Ларская

Мой палач носит цветы в волосах

Глава 1

В нашей семье все немного мертвецы

Тем, кто целует в лоб не прощаясь – а спасая.

В нашей
семье
все немного
мертвецы

Мы красиво поём.
Красиво плачем.
И красиво
убиваем.

Никто не хочет.
Но долг Дому —
он как корни
у дерева.
Не видно,
а попробуй вырви.

Я — третья.
Последняя.
Если я выдержу,
мои дети
родятся
свободными.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРИГОВОР

Арис Вейн
Дракон.

Контрабанда с Нижней крошки.
Казнь через три дня.
Палач — Мазра Пин.

Церемония закрытая.
Без свидетелей.

Венок плели с утра.

Жасмин, шиповник, три ветки дикой розы – обязательно с шипами. Шипы не срезают. Палач Дома пепельной розы должна кровоточить, пока надевает венки. Традиция.

У нас вообще много традиций. Все красивые. Все – про смерть.

Меня зовут Маэра Тин. Мне двадцать три. Моя мать была палачом до меня, а её мать – до неё. В нашей семье женщины рождаются с лёгкими руками и тяжёлой судьбой. Мы красиво поём, красиво плачем и красиво убиваем.

Я не хотела этого.

Дорогие мои, запомните: никто не хочет. Но долг Дому – он как корни у дерева. Не видно, а попробуй вырви.

Мать умерла два месяца назад. Тихо, во сне – единственная милость, которую судьба оказала ей, а не она кому-то другому. После неё осталось платье цвета пепла, церемониальный кинжал с рукоятью из драконьей кости и долг. Долг семьи Тин перед Домом – три поколения безупречной службы. Мать отслужила своё. Бабка – своё. Я – третья.

Последняя.

Если я выдержу, мои дети родятся свободными.

«Если» – ключевое слово, дорогие мои.

Первую казнь я провела месяц назад. Воришка с Нижней кромки. Мелкий, тощий, с перебитым носом. Он украл ожерелье у жены советника.

Я поцеловала его в лоб.

Он пах потом и страхом. Мои губы потом тряслись четы-

ре часа. Я сидела в своей комнате, смотрела на стену и думала – ещё два поколения. Мать говорила: привыкнешь. Бабка говорила: не думай, просто делай. Обе ввали.

Я знаю, потому что нашла бабкин дневник. На последней странице было одно слово, написанное так криво, будто рука не слушалась.

«Простите».

Ладно. Хватит об этом. Вернёмся к венку.

Сегодня утром пришёл гонец от совета Дома. Свиток, сургуч, печать в виде розы с опалёнными лепестками. Официальный приговор. Я сломала печать пальцами, которые уже привычно не дрожали.

Имя приговорённого. Статья. Срок подготовки.

Три дня.

Обычно дают семь. Три – это значит либо преступление из ряда вон, либо кто-то очень торопится.

Я прочитала имя.

Арис Вейн.

Дракон.

Дорогие мои.

Палачи Дома пепельной розы казнят людей. Всегда. Только людей. За всю историю Дома ни одного дракона не клали на плаху – потому что драконов судят свои. Драконий совет. Драконий закон.

Я перечитала свиток трижды.

Арис Вейн. Дракон. Контрабанда с Нижней кромки.

Казнь через три дня. Палач – Маэра Тин.

Под текстом – пометка от руки, почерком, который я не узнала:

«Церемония закрытая. Без свидетелей.»

Венок плели с утра. Жасмин. Шиповник. Три ветки дикой розы – с шипами.

А у меня под рёбрами уже скреблось что-то, похожее на предчувствие.

Глава 2

**У него были глаза цвета
пепла, и это несправедливо**

У него были
глаза цвета
пеpla, и это
несправедливо

Палач священна.
Палач неприкосовенна.

Палач несла поднос
и старалась
не споткнуться
на мокрых ступенях,
потому что
священности это бы
не добавило.

Он поднял
на меня глаза.
Пепельные.
В глубине — искра.
Настоящая.
Как уголёк,
который
не хочет гаснуть.

— Три дня?
— Три дня.
— Мало.
— Кто-то торопится.

— Как тебя зовут?
— Маэра.

— Маэра.
Спасибо за инжир.

Тюрьма Дома пепельной розы называется Садам.

Нет, правда. Сад. Потому что стены увиты мёртвым плющом, а в каждой камере – по каменному горшку с розовым кустом, который никогда не цветёт. Эстетика страдания, всё такое. Наши архитекторы – больные люди.

Я спустилась по ступеням с факелом в одной руке и подносом в другой. На подносе – хлеб, вода, сушёный инжир. Палач обязана кормить приговорённого лично. Ещё одна традиция.

Охранник кивнул мне и отошёл – палача не сопровождать. Палач священна. Палач неприкосновенна.

Палач несла поднос и старалась не споткнуться на мокрых ступенях, потому что священности это бы не добавило.

Камера была в самом низу. Одиночная. С узким окном под потолком, через которое падала полоска вечернего неба.

Я увидела его.

И остановилась.

Дорогие мои, я понимаю, как это звучит. «Она увидела его и остановилась» – дешёвый приём, романый штамп, ерунда на розовой бумаге. Но я остановилась не потому, что он был красив.

Хотя он был красив.

Арис Вейн сидел на каменном полу, прислонившись спиной к стене. Длинные ноги вытянуты, скованные кандалами

запастья лежат на коленях – спокойно, почти расслабленно. Как будто он не в камере, а в саду. В настоящем саду, не в этом каменном издевательстве.

Волосы – тёмные, с пепельным отливом, как будто кто-то взял ночь и припорошил золой. Упали на лоб, на скулы, на шею. Лицо – резкое, угловатое, с тенями под скулами, которые рисует только настоящий голод. Губы – бледные, но красивой формы, и нижняя чуть полнее верхней, как бывает у людей, которые много молчат.

Драконы в человеческой форме почти неотличимы от людей. Почти. Но есть нюансы, если знать, куда смотреть. Чуть заострённые уши – не эльфийски, скорее как у лисы, самый кончик. Температура кожи – чуть выше, это чувствуется даже на расстоянии, лёгкое тепло, как от нагретого солнцем камня. И глаза.

Он поднял на меня глаза.

Пепельные. Светло-серые, с тёмным ободком по краю радужки, и в глубине – искра. Не метафорическая. Настоящая. Крохотная точка оранжевого света, как уголёк, который не хочет гаснуть.

Он посмотрел на меня. Потом – на поднос. Потом – на венок в моих волосах. Я пришла в венке, потому что положено. Палач всегда в венке.

Он понял.

– Три дня? – спросил он.

Голос низкий. Спокойный. Чуть хриплый, как бывает у

тех, кто давно ни с кем не разговаривал.

– Три дня, – подтвердила я.

– Мало.

Я поставила поднос у решётки. Просунула хлеб и воду через щель внизу.

– Обычно дают семь, – сказала я. Зачем – не знаю. Палач не обязана разговаривать. Палач обязана кормить, готовить церемонию и целовать в лоб. Всё.

– Кто-то торопится, – сказал он. И улыбнулся.

Дорогие мои, он улыбнулся. Человек за три дня до смерти. Не криво, не безумно, не сквозь слёзы. Тихо. Почти нежно. Как будто утешал меня.

Меня. Палача.

– Ешь, – сказала я. Голос не дрогнул. Я повернулась, чтобы уйти.

– Как тебя зовут?

Палач не называет имя. Палач – это функция, а не человек. Так говорила мать.

– Маэра, – сказала я.

Он кивнул. Как будто имя было правильным. Как будто он его уже знал.

– Маэра. Спасибо за инжир.

Я ушла.

На лестнице споткнулась.

Глава 3

Три дня – это много, если не спать

Три дня —
это много,
если не спать

Палач не думает.
Палач делает.

Драконов не казнят
в Доме пепельной розы.
Ни разу за четырёхста лет.
Арис Вейн — первый.

Одеяла. Еда.
Игрушки для детей,
которых никто
не считает.

Орден пустого зеркала
приходит по ночам.
Забирает полукровок.
Выкачивает пламя
из их крови
и вливает в артефакты.

Он видел то,
чего не должен был
видеть.

Одно дело.
Поцеловать в лоб
и опустить кинжал.

Свобода.

Ночью я не спала.

Сидела на подоконнике, смотрела на небо между островами и думала о том, что не должна думать. Палач не думает. Палач делает.

Но вот такая штука, дорогие мои. Драконов не казнят в Доме пепельной розы. Не казнили – ни разу за четыреста лет. Я проверила. Залезла в архив, который хранится в подвале советного зала, и перечитала каждый свиток о казнях за последние четыре столетия. Все – люди. Все до единого.

Арис Вейн – первый.

И ещё: контрабанда. С Нижней кромки контрабанду таскают многие. Зелья, камни, нелегальные артефакты – обычное дело. За это штрафуют. Иногда сажают. Не казнят.

Не казнят, дорогие мои.

Утром я пришла к нему снова. Хлеб, вода, инжир. Он не спал тоже – я видела по теням под глазами, ещё более глубоким, чем вчера.

– Ты читала моё дело? – спросил он прежде, чем я успела поставить поднос.

– Палач не читает дела.

– Но ты прочитала.

Я промолчала. Он читал это молчание, как открытую книгу.

– Что там написано?

– Контрабанда с Нижней кромки. Запрещённые артефак-

ты. Угроза Дому.

– Угроза Дому, – повторил он и засмеялся. Тихо. Горько.
– Двадцать шесть килограмм одеял. Три ящика сушёных яблок. Одна кукла из тряпок.

Я замерла.

– Что?

– Моя контрабанда, Маэра. Одеяла, еда и игрушки. Для детей. На Нижней кромке живут дети, которых никто не считает. Полукровки. Полудраконы-полулюди. Ничьи. Без дома, без имени, без клана. Зимой они замерзают.

Я села на пол. Прямо на камень. Напротив решётки. Так близко, что чувствовала тепло его кожи.

– Зачем тебе это? Ты же дракон. У вас свои законы, свои кланы, свои...

– У полукровок нет клана. Они – ошибка. Позор. Так говорят и люди, и драконы. Ни те, ни другие не хотят их признавать. – Он посмотрел мне в глаза. Уголёк в его зрачках горел ярче. – Мне было шестнадцать, когда я впервые спустился на Нижнюю кромку. Увидел девочку лет пяти. Она ела кору. Настоящую кору с дерева. У неё были чешуйки на шее – крохотные, золотые, как у рыбки. Красивая девочка. Ела кору.

Он замолчал.

– Я стал носить еду. Потом одежду. Потом – учить их. Читать, считать. Не потому что я герой. Просто потому что...
– Он пожал плечами. – Потому что кто-то должен.

– Но арест. Приговор. Это... за одеяла не казнят.

– Нет, – согласился он. – Не казнят.

Тишина.

– Тогда за что?

Он посмотрел на меня долго. Очень долго. Потом сказал.

– Потому что я видел то, чего не должен был видеть.

– Что?

– Маэра. Ты уверена, что хочешь это знать?

Палач не задаёт вопросов. Палач не хочет знать. Палач надевает венок и целует в лоб.

– Да, – сказала я.

Он наклонился к решётке. Его пальцы – длинные, с ожоговыми следами на костяшках, – обхватили прутья.

– Орден пустого зеркала, – прошептал он. – Они приходят на Нижнюю кромку по ночам. Забирают детей. Полукровок.

– Зачем?

– Маэра.

– Зачем?

Его голос стал совсем тихим. Почти неслышным.

– В крови полукровок – и драконий огонь, и человеческая жизнь. Орден использует их для ритуалов. Для... переливания. Они выкачивают из детей драконье пламя и вливают его в артефакты. Дети после этого...

Он не закончил.

Не нужно было.

– Я увидел. Случайно. Пошёл за девочкой, за той самой,

с золотыми чешуйками. Её забрали ночью, и я пошёл следом. И увидел подвал. И людей в зеркальных масках. И... — Он сжал прутья. Металл чуть скрипнул. — Они меня засекли. Через два дня — арест. Через три — приговор.

— Контрабанда, — прошептала я.

— Красиво звучит, правда? Контрабанда. Не «он видел, как мы убиваем детей, и может рассказать».

Я молчала.

Мир не перевернулся. Не покачнулся. Не треснул. Нет, дорогие мои, всё было тише. Мир просто стал другим — как будто кто-то снял красивый витраж, а за ним оказалась стена. Голая, грязная, в подтёках.

— Девочка, — сказала я. — С чешуйками. Она...

— Не знаю.

И в этом «не знаю» было столько, что у меня заболело горло.

Я встала. Колени дрожали.

— Мне нужно идти.

— Маэра.

Я обернулась.

— Не лезь в это. Пожалуйста. Сделай свою работу и забудь. Ты — третье поколение, да? Последнее?

Он знал. Как — не знаю. Может, охранники болтали. Может, слухи ходят быстрее ветра между островами.

— Да, — сказала я.

— Тогда не лезь. Тебе осталось одно дело. Одно. И ты сво-

бодна.

Одно дело.

Его дело.

Я шла по лестнице вверх. Ступенька за ступенькой. Мокрый камень. Мёртвый плющ на стенах.

Одно дело. Поцеловать в лоб и опустить кинжал. И всё. Свобода. Мои дети – если они когда-нибудь будут – родятся свободными.

Мне нужно было просто не думать.

Но я уже думала.

Глава 4

Контрабандист, который не умел врать

Контрабандист, который не умел врать

Палач не думает.
Палач делает.
Но иногда правда
находит палача сама.

Архив хранит больше,
чем должен.

Некондиционного
материала не бывает.
Бывает только
несоответствующая
совесть.

Драконов не казнят
в Доме пепельной розы.
Но если кто-то увидел
то, чего видеть
не должен...

Они пишут
«контрабанда».

Красиво звучит.
Чисто.
Аккуратно.
Как кровь на белом
шелке.

Шестнадцать единиц.
Семь лет назад.
Подпись советника.

Дети с чешуей
не должны были жить.
Но они живут.

Тридцать.
В каменных щелях
между островами.
В темноте.
В сырости.
В забвении.

Нэй. Пятнадцать лет.
Злой на весь мир.
Имеет право.

Орден приходит
по ночам.
Зеркальные маски.
Медный запах.

Некондиционный
материал.

Палач нашла.
Палач знает.

Палача тоже
можно казнить.

Но три дня — это много,
если не спать.

Второй день начался с дождя.

В Аэлии дождь – странная штука. Вода падает с верхних островов, проходит сквозь облака, и к тому времени, как долетает до нас, она уже пахнет чужим небом. Мокрым камнем и горечью трав, которые растут только наверху, где воздух тоньше и солнце ближе.

Я стояла у окна и смотрела, как капли ползут по стеклу.

Два дня.

У меня оставалось два дня до казни, и я делала то, что палач делать категорически не должна. Я искала правду.

Архив Дома пепельной розы – это два подвальных зала, заставленных стеллажами от пола до потолка. Свитки, книги, реестры. Всё посыпано лавандой от моли и пылью от времени. Я чихала каждые три минуты, но продолжала читать.

Орден пустого зеркала.

Он упоминался в документах Дома вскользь. Мельком. Как сосед, которого видишь на улице, но никогда не зовёшь на ужин. Несколько торговых соглашений. Пара совместных церемоний – давно, лет сто назад. И одна странная запись.

«Переданы в распоряжение Ордена: шестнадцать единиц некондиционного материала из нижних уровней.»

Некондиционного материала.

Я перечитала. Перечитала ещё раз. Дата – семь лет назад. Подпись – советник Дома Рейган Кольт. Тот самый, чья жена лишилась ожерелья, а вор – головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.